

Митрополит Сурожский Антоний

СЛУЖЕНИЕ ХРИСТИАНИНА В СЕКУЛЯРНОМ ОБЩЕСТВЕ

Поклонение обычно понимают как чисто религиозную практику и действия, но в более широком смысле это слово можно определить как положение того, кто выбрал для себя наивысшие ценности, строит свою жизнь в благоговейном служении им и исполняет некоторые связанные с этим обязанности.

Так что есть понятие поклонения более широкое, чем религиозное поклонение Богу. Оно возникает в момент, когда мы обнаруживаем за собственными пределами, выше себя ценности, более для нас важные, чем мы сами. Человеческая жизнь не столь важна, как то, ради чего человек готов жить и умереть. Служение коренится в таком подходе независимо от того, что считается наивысшей ценностью. Для нас, верующих, это Бог - Бог, Которого мы знаем, Которому поклоняемся, Которого уважаем и любим, Которому повинемся. Но следует помнить, что благоговейное служение начинается в тот момент, когда мы придаем высшую ценность чему-то или кому-то. И это нас роднит (что мы не всегда достаточно осознаем) с людьми, которые глубоко отличаются от нас, чьи идеалы несовместимы с нашими, которые, возможно, отвергают все то, что мы отстаиваем, и которые, однако, несмотря на все это, живут в состоянии благоговейного поклонения, отдают жизнь и приносят себя в жертву, вплоть до смерти, ради чего-то, что они ценят, чем дорожат больше, чем собой, перед чем благоговеют больше, чем перед самими собой.

Второе, что следует помнить, это то, что как нам ни дороги, как ни полны смысла классические и традиционные формы богочтения, они не единственны, что Церковь выработала их постепенно, что они являются выражением ее знания, опыта Бога и ее способности выражать и передавать этот опыт и знание, выражать также те чувства и состояния сознания и души, какие пробуждает это знание Бога. Но от поколения к поколению вполне законно могут быть выработаны новые пути, они полны новизны, но столь же подлинны, как прежние.

Мы живем сейчас в секулярном обществе. Мы в нем, даже если сами «не от мира». Но нам следует быть очень осторожными, чтобы не провести это различие слишком резко и не вообразить наивно, будто мы живем в мире, но вовсе не принадлежим ему. На самом деле мир не только окружает нас - в большой степени он и внутри нас. Мы не принадлежим безоговорочно, в совершенной мере Царству Божию среди мира, который нам чужд. Оба члена этого противопоставления ложны. Мы в становлении, но еще не достигли его, а

окружающий нас мир - не просто та тьма внешняя, о которой говорит Евангелие (Мф.8:12). Это тоже сложная, чрезвычайно богатая среда, где Бог действует и которая часто более чутка и восприимчива к духовным ценностям, чем мы - мы, ослепленные привычкой и образом действий, унаследованным от прошлого.

Тем не менее есть, как мне кажется, две характерные черты, которыми можно определить то секулярное общество, в котором мы живем, и нашу собственную обмирщенность сегодня.

Первая черта - потеря чувства Бога. Эта потеря чувства Бога, если она полная и радикальная, и определяет секулярное общество, я бы сказал - «идеальное» секулярное общество, потому что секулярное общество, каким мы его видим и переживаем, не утратило чувство Бога радикальным образом: такое общество было бы совершенно чуждо Церкви. Когда мы оборачиваемся внутрь себя и судим себя самих, мы с трагической ясностью видим (потому что такой суд для нас - уже начало Страшного суда), что мы в большой степени принадлежим этому мирскому, секулярному обществу: ведь и в нас чувство Бога замутнено, слабо, безжизненно. Мы не можем сказать, что в нас есть чувство Живого Бога, каким обладали герои Ветхого и Нового Завета, святые Церкви или великие подвижники духа.

Вторая черта, характерная для секулярного общества, - острая реакция на мир. Это совершенно естественно является отличительной чертой общества, которое отвергает иное измерение мира, или просто не знает его, или остается невосприимчивым к этому иному измерению мира: его прозрачности к Божественному присутствию, его измерению безмерности и вечности. Но не следует воображать, будто секулярное общество способно развить более глубокое, более острое осознание мира. Если почитать жития святых или обратиться к Ветхому и Новому Завету, ясно видишь, что никто не бывает столь чуток к миру - и к его славе в Боге несмотря на грех, и к его трагической оторванности от Бога несмотря на присутствие Божие в нем, - чем святые, а в наибольшей степени - Сам Бог, открывшийся нам во Христе. Так что чувство потери Бога и острое восприятие мира не обязательно идут бок о бок.

Когда мы думаем о Церкви уже не как об эмпирическом обществе, которым мы являемся, но в более широком и реальном смысле - о том обществе, которое одновременно и равно человеческое и божественное, том обществе, где Бог присутствует вместе с нами, том теле, в котором во Христе и Духе обитает полнота Божества и которое покоится в Боге; когда мы думаем об этом обществе, которое содержит Бога и человека в их становлении Царства и Тела, то мы видим, что оба аспекта, о которых я говорил, касаются Церкви, но по-разному. Потеря чувства Бога, острое восприятие мира являются - или должны являться - предметом заботы Церкви. Потеря или отсутствие чувства Бога чуждо Церкви, когда мы говорим о ней с большой буквы, когда мы думаем о ней как о том теле, которое я только что описал. Но оно присуще многим членам Церкви; это связано с тем, что все мы в становлении. Это также

неотделимо от того факта, что процесс нашего становления - не гладкое, ровное восхождение от земли к небу, от состояния тварности к причастности Божескому естеству (2Пет.1:4). Это колебательное движение то вверх, то вниз; в нем присутствует грех - как отрицание Бога, как отвержение Бога, но также и неведение Бога, потому что, если бы мы лучше знали Бога, мы могли бы любить Его всем сердцем, как в отношениях человеческой любви мы любим единственную любовь своей жизни. Тогда мы могли бы намного лучше упорядочить свою жизнь в соответствии с тем путем, который Христос предлагает нам.

Церковь укоренена в вере, родившейся из опыта, основана на уверенности в вещах невидимых (Евр.11:1), которые, однако, для Церкви - и тут я говорю о каждом ее члене, если он живой ее член, а не мертвый, - должны быть центральны. Мы должны понять, что вера - не просто доверчивость, что вера сильна не тем, что мы унаследовали нечто переданное нам. Когда вера живая, когда она полна смысла и значения для того, кто провозглашает, что обладает ею, вера коренится в личном откровении и знании. Святой Макарий Египетский в одном из своих сочинений говорит, что, когда мы встречаем Бога лицом к лицу, эта встреча происходит за пределом слов, мыслей и эмоций, в состоянии богосозерцания, которое не дает нам ни следить за собой, ни осознать умственно или эмоционально, что происходит с нами. Но когда опыт начинает тускнеть, он оставляет после себя уверенность, что он случился; и хотя само видение уже исчезло, стало невидимо, с нами остается уверенность; вот в этот момент превосходящий нас непосредственный опыт становится верой. Разумеется, пример, который приводит преподобный Макарий, очень разителен; с нами случается то же самое, но в меньшем масштабе. Вы наверно помните то место из Послания к Коринфянам, где говорится, что мы можем видеть свет славы Божией в лице Христа (2Кор.4:6). Вот где корень уверенности Церкви и вот почему Церковь может свидетельствовать без колебаний, в спокойной убежденности, что то, чего некоторые не видят, реально, более реально, чем видимый мир вокруг нас. Потеря чувства Бога несовместима с нашей принадлежностью к Церкви. Наше свидетельство должно быть об этом: нам следует говорить не о недоумениях, а о нашей собственной уверенности.

У нас должно быть и чуткое понимание мира, в котором мы живем, но не такое, когда мир понимается в терминах Священного Писания - в сопоставлении, в контрасте с Царством. Мы видим этот мир нематериальным, инертным, непрозрачным и мертвым. Согласно Писанию и опыту всех верующих, мы знаем, что в этом мире присутствует Бог, не просто заполняя пустоты между тяжелыми, непрозрачными предметами, но исполняя все Собою. Для неверующего мы окружены предметами, которые имеют плотность, и цвет, и четкие границы. Для верующего эти предметы имеют не только плотность и очертания, у них есть и глубина. Мир, как его видит неверующий, имеет только объем и толщину, в нем нет глубины, потому что, если мы пытаемся проникнуть в предмет, мы попадаем внутрь, а потом выходим с

другой стороны. Если войти в шар, мы доходим до его центра, но этот центр - последний предел. Если мы попытаемся идти дальше, мы выйдем на поверхность с другой стороны. Для верующего глубина окружающего нас мира, глубина людей и предметов - в том, что они коренятся в творческом Слове Божиим, они имеют судьбу, потенциально мир столь же велик, как Сам Бог. И придет день, когда, по пророческому обетованию апостола Павла, Бог будет все во всем (1Кор.15:28), и «все», о котором он говорит, - это видимый мир, в котором откроется достаточно емкости, достаточно глубины, чтобы вместить Бога, хотя сам он вмещается в Нем.

Так что мы видим мир не так, как он сам, слепой к собственным глубинам, видит себя. Мы знаем, что весь этот мир, а не только человек, имеет призвание, судьбу, предназначение. И ответственность за исполнение этого призвания - на нас, человек является ключом к исполнению этого предназначения. Человек стоит на грани между миром Божественным и миром того, что мы называем предметами. Человек призван вести все к полноте, исполнению. И когда человек отпадает от Бога, отходит от Бога, теряет Бога, то все творение теряет своего вождя и свой путь. Говоря о ситуации, которая возникла после падения человека, и стараясь объяснить повергающую в недоумение дисгармонию мира, Феодор Студит пишет, что мир подобен коню, которым правит пьяный всадник. Виноват всадник, но со стороны кажется, будто конь беснуется. Таков мир, в котором мы живем. Он вышел из повиновения. Он в трагическом состоянии дисгармонии, уродства, жестокости, разрушения и смертности, но мир, подобно коню, стонет, и страдает, и ждет времени, когда выветрится хмель, когда в человеке восстановится трезвая ясность ума, чистота сердца, когда выправится воля, - и когда будет явлена свобода и исполнение чад Божиих, не только в человеке, но в гармонии всего. Ответственны все, но мы как христиане несем большую ответственность, потому что знаем мысли Божии. Вспомните, как Амос определяет пророка: это человек, который говорит от Бога, это тот, кому Бог открывает Свои мысли (Ам.3:7). И это призвание, ранее принадлежавшее немногим, теперь является призванием всех христиан. Разве можем мы забыть слова Христа: Я уже не называю вас рабами, но друзьями, потому что раб не знает воли господина своего, вам же Я сказал все (Ин.15:15)? Если мы так богаты знанием, дарованным нам от Бога, то на нас лежит более тяжелая ответственность за все, что случается. И эту ответственность принял на Себя Сам Бог. Он взял ответственность за Свой творческий акт, когда, создав человека, не отвернулся от него в его падении и принял на Себя солидарность с человеком. И кроме того, акт Воплощения, которым Господь отождествляется со Своим творением, этот акт воплощенной солидарности, в которой Бог умирает, был на протяжении истории воспринят теми, кого мы называем мучениками, то есть свидетелями¹ любви Божией, чувства Божией солидарности, переполняющей наши сердца. Извне мир видится только материальным, мертвым, инертным. Церковь видит, что он прозрачен, исполнен

¹ Русским словом «мученик» переводится греч. **Μάρτυς** — «свидетель».

Присутствия, находится и в динамичном продвижении к своему исполнению - динамичном, но не насильственном, хотя порой трагическом. Не имея такого видения мира, невольно десакрализуешь его, мир теряет свое свойство священности, становится не только профанным, что было бы просто нейтральной ситуацией, но профанированным, вырванным из Божественной области.

Но для нас мир священен: не только в том смысле, в котором мы употребляем это слово, когда говорим, что жизнь человека священна, то есть не должна быть уничтожена. Мир священен в том смысле, что он принадлежит Богу не только потенциально, но и по существу. Он - собственный Божий мир, и Живой Бог пребывает в нем. Иначе, если мы соглашаемся на такое отношение к миру, которое десакрализирует его, принимаем его радикальную секуляризацию, тогда мы должны отрицать воплощение Слова Божия, чудеса Божии, таинства. Ведь мы не только утверждаем, что Сын Божий стал Сыном Человеческим, и не сомневаемся в том, - мы утверждаем, что Слово Божие, Сам Бог стал плотью, что полнота Божества обитала среди нас телесно (Кол.2:9), во плоти человеческой, что тело Воплощения представляет собой видимое и осязаемое вещество всего тварного, которое оказалось способно стать богоносным, исполненным Божественного присутствия, не уничтожившись, не перестав быть самим собой. Если бы не так, Воплощение уничтожило бы самую природу тварного, и Христос был бы Богом, явленным в облике человека, но не был бы Словом воплощенным, истинным человеком, как и истинным Богом.

Это относится и к таинствам. Таинства возможны, только если мы верим, как нам заповедует Библия (потому что это - сама Божия истина, открытая нам), и знаем хотя бы зачаточным опытом, что все способно быть духоносным и богоносным, что все коренится в творческом слове и тем самым уже связано с Богом и что в конце все ожидает того исполнения, полноты, о которой я уже сказал: Бог все во всем (1Кор.15:28). Если мы не верим в это, тогда нам недоступно реальное богословие таинств. Тогда, действительно, хлеб никогда не станет Телом Христовым, потому что никаким образом не может стать чем-то большим, чем обычным, съедобным, подверженным уничтожению хлебом, вино никак не станет Кровью Христовой, оно не может быть ничем большим, как тварностью, неспособной быть пронизанной и исполненной Божественной благодатью и Божественным присутствием. Но мы именно верим, что это совершается. И когда мы говорим об этом хлебе и этом вине, мы не говорим о какой-то определенной частице хлеба или определенной чаше вина, которые отличались бы от всего остального тварного. Они являются как бы образцом всего, и все призвано к этой чудесной непостижимой полноте, которую мы познаем в таинстве Крови и Тела, если можно так выразиться, - в Теле Божиим, явленном в материи, как оно когда-то было явлено во плоти Того, Кто родился от Девы. Бог сотворил их такими, что они не перестают быть самими собой - и становятся пронизанными Божеством. Потому-то, когда благословляется хлеб и вино, они действительно становятся Телом и Кровью Христовыми. Но хотя они

достаточно глубоки для этого, они не перестают быть тем, чем были, - хлебом и вином.

То же самое относится к нашему видению мира и чудес Божиих. Только если у нас есть богословие, которое придает материи глубину, призвание, значение, соотношение с Богом, которое признает способность материи исполниться присутствием Божества, - только в таком случае можем мы верить в чудеса Ветхого и Нового Завета. Я не говорю о тех чудесных исцелениях, которые легко - слишком легко! - можно объяснить в терминах психосоматических действий. Я говорю о тех чудесах, которые касаются природы без участия человека, например о буре на море Галилейском (Мк.4:35-41; 6:47-51). Если мы перестаем видеть мир глазами веры и опыта, то мы принимаем точку зрения века сего, слепого, секулярного, то есть мы лишаем священного измерения то, что Бог сотворил священным. И это очень серьезная проблема: кризис веры в христианских и в других общинах верующих есть следствие кризиса опыта, и, в свою очередь, этот кризис веры делает нас обмирщенными, не дает нам всей жизнью участвовать в первичном, непосредственном переживании Бога, человека и всего материального мира. Это очень важно, потому что, если мы теряем эту свою способность, тогда она потеряна и для мира. Если соль потеряла свою силу, она ни на что не годна, ее можно только выбросить (Мф.5:13). И это - справедливое возмездие за то, что мы предали откровение Божие - то, что Бог открывает нам, через нас.

Есть и в Церкви, и в секулярном мире еще один момент, который, мне кажется, надо учитывать. Это все растущий и распространяющийся антиклерикализм. Неудивительно, что окружающий нас мир антиклерикален, но антиклерикализм растет и внутри церквей. Если он отражает довольно частое сейчас смешение клерикального и священного - тогда это зло. Но в другом смысле, мне кажется, антиклерикальная позиция может быть очень важна и ценна. Я сейчас не буду говорить о том, что есть священник, но хотел бы сказать пару слов о том, чем священник не является, точнее, вернуть священника в тот контекст, которому он принадлежит. Несколько лет назад я слышал лекцию о значении священства, которую читал западный богослов. Он подчеркивал тот факт, что священник обладает невероятной властью. Он сказал, что Христос вручил священнику власть освящать Его Тело и Его Кровь, причащать, давать разрешение грехов или отказывать в нем, то есть власть связывать и разрешать (Мф.18:18). И он произнес нечто, что мне показалось совершенно ужасным: «Строго говоря, у священника больше власти, чем у Христа, потому что теперь, когда Христос взшел на небеса, в силах священника отказать народу в том, что Христос, может быть, даровал бы. Достаточно священнику запереть храм на ключ, чтобы больные и умирающие были лишены причастия». Так вот, это картина того, чем священник не является. Такая картина кощунственна. Мы должны помнить, что есть только один Священник, Первосвященник Церкви - Господь Иисус Христос. Нет другого священника в полном смысле слова. Всякий раз, когда мы совершаем

Божественную литургию, действует - Христос. Я не раз напоминал людям слова из начала православной Литургии: когда все готово, община собралась, хлеб и вино приготовлены, осталось только начать службу, дьякон обращается к священнику и говорит: «Время сотворити Господеви». Как странно! Разве это не момент, когда они сами начинают действовать? Нет. Они будут произносить слова, которые не принадлежат им, и совершать действия, которые - не их действия. Слова - Христовы, действия - Господни. Того, чего они ожидают от этих действий, не может совершить никакое действие. Того, на что они надеются в результате этих слов, не может совершить никакое слово, - разве что мы признаем богословие магии. Совершить преложение², исполнить молитву и ответить на нее может только сила Святого Духа. Так что у священника есть свое место, свое значение, но когда дело доходит до существа, до самых главных свершений в Церкви, нет иного Первосвященника, кроме Христа, нет никакой силы, кроме силы Святого Духа в Его свободе и Его любви. Если бы в богословских школах нам чаще напоминали, где наше место, это, вероятно, было бы очень полезно и для мирян, и для клириков. Это ничуть не умаляет значения священника, но это отводит Богу подобающее Ему место и делает возможным то, во что иначе невозможно поверить. Никакое человеческое слово, никакое действие не может превратить земное в небесное. Никакая человеческая сила или человеческие ухищрения не могут принудить Бога к действию, которое есть своего рода Воплощение.

Я уже сказал, что во многих отношениях Церковь - очень странное общество. Коротко говоря, я хотел бы подчеркнуть, что это, возможно, единственное общество, в которое не рождаются. Членом его становишься, постольку поскольку живешь его ценностями. Иначе твое присутствие в Церкви лишь видимое, призрачное, мертвое, чуждое ей, даже если внешне ты исполняешь все ее обряды и действия. Церкви нельзя принадлежать механически, в ней нельзя оставаться механически. Это - динамичная ситуация, это общество одновременно человеческое и Божественное, в котором человечество явлено человечеством Христа, и наше человечество привито к тому, что должно стать нашим по призванию нашему. Это общество, в сердцевине которого - Бог, «Эммануил»: Господь с нами. И в этом смысле Церковь поистине, строго и трезво говоря, есть конец религии, как ее понимает языческий мир, как системы обрядов, молитв, заклинаний, заговоров, действий, которые могут свести Бога к нам, могут заставить или по крайней мере убедить Бога приблизиться к нам. Ничего этого нам не требуется. Бог среди нас. Нам нет нужды заставлять Его подойти, даже если бы это было в наших силах. Нет

² Преложение, или пресуществление, Святых Даров — по учению Православной Церкви, тайнодействие, совершающееся силой и действием Святого Духа во время евхаристической молитвы (на словах священника «Преложив Духом Твоим Святым»), при котором хлеб и вино, внешне не меняя своей материальной субстанции, претворяются в Тело и Кровь Христовы. Подробнее см. в кн.: А.И.Георгиевский. «Чинопоследование Божественной литургии». М., 1951.

обряда, способа, действия, которые могут что-либо прибавить или убавить. Христос сказал: Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят (Мф.5:8).

Церковь - место Присутствия, место пребывания Божия, но если Воплощение, дар Святого Духа, вся совокупность тайны Церкви - конец религии в таком древнем понимании, то это не конец поклонения и уж никак не конец благоговейного служения. Поклонение рождается из нашего чувства Божия присутствия. Благоговение определяет место, какое мы отводим Богу в своей жизни. Но, кроме того, оно означает, что может существовать бесконечно сложное разнообразие не только способов выражать наши взаимоотношения с Богом, но бесконечное разнообразие способов, какими каждый из нас связан с Богом. Мне кажется, что сейчас не только мир, но и Церковь, народ Божий устали от слов и действий: их гораздо больше, чем требуется, чтобы трезво выразить реальные ситуации.

Я хотел бы сказать гораздо больше, чем сейчас могу, о том, в каких направлениях, как мне представляется, можно думать о реформе, вернее, о создании из недр церковного опыта не только личного, частного богопочитания, но и литургического богопочитания. Скажу лишь о немногом.

Во-первых, если Бог уже в нашей среде, если мы составляем вместе с Ним таинственное общество и непостижимо таинственное тело, тогда, по существу, что касается Церкви, мы можем безмолвно пребывать в этом сознании, поклоняясь в истине и в духе (Ин.4:23). Во-вторых, Церковь состоит не только из тех, кто способен на такое поклонение, и, конечно же, не только из людей, способных воспринимать то, что несет молчание, и безмолвно понять то, что может сказать молчание. Церковь могла бы развить по меньшей мере два, а то и три типа богослужения. Одно для тех, кто чуток, способен участвовать в богослужении, где главное - молчание, где действия и слова являются символами, уводящими от себя к сердцевине молчания, в которой живет и действует Бог (попытки, которые в этом направлении делались, я нахожу содержательными и обогащающими). И на другом краю спектра - богослужения, которые не только являются способом быть и воспринимать воздействие свыше, но также предназначены передать тем, для кого молчание слишком глубоко, непонятно, - передать жестами и словами - то, что в молчании содержится полнее, чем в каком бы то ни было слове или жесте.

Но в сердцевине любого богослужения должно быть осознание того, что все, что происходит, есть Божественный акт, который не может быть выражен адекватно, - это просто невозможно. Его не заключить в непрозрачную литургическую красоту, он должен быть передан настолько прозрачно, трезво, хрустально-чисто, чтобы никакая красота не могла замутить видение и чувство Присутствия. Разумеется, в подобной беседе я не могу дать вам никакого описания этого. Но если мы, в наших общинах, не дойдем до того, что Совершитель таинств - Бог, то никогда нигде не встретимся. Если для нас Бог - Совершитель таинств, Дух Святой - действующая сила, молчание - форма, в

которой мы воспринимаем, в которой обнаруживаем, переживаем Божественное присутствие и Божественные дары, если мы способны воспринимать это в любой момент, мы сможем встретиться, потому что в самых своих глубинах и в этой ситуации мы почти созрели для встречи. Если мы разовьем другие формы богослужения, где изнутри, а не исходя из опыта внешнего мира мы сможем передавать то, что содержит безмолвие, мы сумеем многое довести до понимания друг друга способом, который приемлем всем (или, во всяком случае, многим). Бог должен стать абсолютным центром, если мы хотим, чтобы наше литургическое почитание Его стало местом, где мы можем встретиться не в терминах формального экуменизма, как разделенные христиане, полные доброй воли и готовые на компромиссы, готовые отбросить или забыть собственный опыт и убежденность, но можем встретиться по-новому: как люди, состоящие в определенном взаимоотношении с Богом, которые обретают друг друга внутри этого взаимоотношения. Тогда наше богослужение станет вызовом, соблазном, мечом обоюдоострым (Евр.4:12). Тогда оно станет несовместимым с тем, что безбожно, зло, слепо, непрозрачно в секулярном подходе. Тогда, может быть, контраст станет более острым и драматическим, чем контраст между великолепием церковного богослужения и секулярной формой благоговейного служения. Тогда Церковь обретет вновь собственное измерение и ритм; и здесь, в самой сердцевине вещей, Церковь, думаю, станет тем, чем она была изначально: не небольшим обществом внутри более обширного, а обществом равно божественным и человеческим и, следовательно, более емким, более глубоким, более великим, чем сам мир. И это сбудется не только в Боге, но и в нас: мы станем больше и шире, чем весь мир, станем способны охватить мир, привести мир к полноте.